

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.17
УДК 94(571)«1930/37»
ББК 63/3(253)614-2

В.Б. ЛАПЕРДИН

ХЛЕБОЗАГОТОВКИ И ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЗАПАДНО-СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНИ В 1930-Е ГГ.*

В статье рассматриваются изменения хлебозаготовительной системы в 1930-е годы и связанная с этим проблема продовольственной безопасности сельского населения на примере Западно-Сибирского края. Показано, каким образом осуществлялась продовольственная и семенная помощь недородным районам. Вследствие неурожаев, ежегодно поражавших отдельные районы региона, а также сверхнормативного изъятия зерна из деревни, на протяжении всего десятилетия сохранялась тяжелая продовольственная ситуация. Существовавшая система продовольственной безопасности должна была помочь избежать повторения массового голода 1931–1933 гг.

Ключевые слова: аграрная политика, хлебозаготовки, продовольственная безопасность, голод, Сибирь.

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-09-00031 «Аграрный строй в Сибири в 1930-е гг.: становление и функционирование колхозной системы».

GRAIN COLLECTION AND FOOD SITUATION IN WEST SIBERIAN RURAL IN 1930S

The article discusses changes in grain collection system in 1930s and related problem of food security of rural population using the example of West Siberian region. Author shows how food and seed assistance was provided to regions. Due to crop failures annually affecting certain regions, as well as excessive grain exemptions, difficult food situation continued throughout the decade. The existing food security system was supposed to help avoid a recurrence of massive famine of 1931–1933.

Keywords: agricultural policy, grain collection, food security, famine, Siberia.

Проблема продовольственной безопасности в 1930-е гг. остро проявилась как в Западной Сибири, так и в других регионах СССР. Под продовольственной безопасностью подразумевается наличие и доступность для населения пищи, достаточной в количественном отношении для ведения активного образа жизни. Определяющее значение при этом имеет политика государства. Советский Союз в этом плане не был исключением. В январе 1927 г. с целью обеспечения населения хлебом в случае неурожая Совет народных комиссаров (СНК) СССР принял постановление об образовании государственного хлебного фонда. Однако затруднения на «хлебном фронте» конца 1920-х гг. привели к иссяканию госфонда и острому дефициту наличного зерна. С целью исправления ситуации в июне 1929 г. был создан неприкосновенный хлебный фонд. Кроме того, существовали резервный фонд и госсортфонд. Их функционирование в 1930-е гг. как на территории СССР, так и отдельных регионов, в настоящее время не изучено, во многом по причине засекреченности архивных материалов [4, с. 96–99]. Несмотря на отсутствие сведений о работе фондов, само их наличие указывает на серьезную обеспокоенность со стороны властей продовольственным положением населения. Резервы пополнялись в ходе отчуждения зерна из деревни в пользу государства. Хлебозаготовки являлись основным каналом его получения. Поэтому именно хлебозаготовительные кампании будут в центре внимания данной статьи.

В Западно-Сибирском крае проблема продовольственной безопасности обострилась вследствие не только сверхнормативного изъятия зерна из деревни, но и сложных климатических условий региона. Особенно остро данная проблема стояла для юго-западной части края, в частности, — в районах Кулундинской степи. Так, за семилетний период с 1930 по 1937 г. здесь только дважды удалось собрать нормальный урожай — в 1930 и 1934 г. В остальное время засуха не позволяла вырастить тре-

буемый для удовлетворения продовольственных запросов населения хлеб. Кроме того, государство стремилось изъять имевшиеся скудные зерновые ресурсы. В 1931 г. засуха приняла форму широкомасштабного бедствия. По данным Западно-Сибирского крайземуправления в той или иной степени от непогоды пострадало 55 районов, расположенных в западной части региона. Всего же в результате засухи недобор зерновой продукции составлял минимум 1245,5 тыс. тонн [3, оп. 2, д. 352, л. 132]. Как следствие, регион поразил самый сильный за всю историю голод. Он начался в конце 1931 г. и в наибольшей степени проявился весной 1932 г. С наступлением лета продовольственное положение улучшилось, но невысокий урожай 1932 г. (удалось собрать порядка 7 ц/га, против 4,5 ц/га в 1931 г.) и государственные хлебозаготовки, вновь привели к катастрофе. В последующие годы даже при условии хороших сборов в целом по краю, оставались недородные районы. В 1933 г. первый секретарь Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе в адресованной И.В. Сталину записке утверждал: «Урожай в этом году в целом лучше прошлогоднего, и по определению райЗО, в среднем по краю получается почти 9 ц с га, но южная часть, прилегающая к Казахстану, в этом году также имеет низкий урожай. В районах: Рубцовском, Шипуновском, Волчихинском и некоторых других значительное количество колхозов будет иметь урожай 2–4 ц с га. В некоторых колхозах положение, по общению с мест, такое, что даже не соберут семян, в связи с чем есть отдельные случаи развала колхозов. <...> Кроме того, как и каждый год, во многих районах есть отдельные колхозы, пострадавшие от градобитья, вредителей и т.д.» [2, с. 97–99].

В 1934 г. засуха обошла юго-западные районы, но поразила центральную и восточную часть региона. По информации крайземуправления, в 1934 г. в 12 наиболее пострадавших от неурожая районах из 718 колхозов 166 (23 %) распределили на трудодень менее килограмма зерна, 197 (27 %) — от 1 до 2 кг [1, с. 246–247]. Голодающие крестьяне выходили из колхозов и бежали из деревни. Секретарь Солонешенского райкома ВКП(б) сообщал в крайком, что в 1934/35 г. из района выбыло 1 610 дворов колхозников и единоличников. «Около 100 человек умерло от септической ангины. Из-за бескормицы район имел исключительно плохое состояние тягловой силы и потерял 888 рабочих лошадей» [1, с. 233].

Таким образом, проблема продовольственной безопасности ежегодно обострялась в связи с неурожаем в различных районах региона. Сверхнормативное изъятие зерна в ходе государственных хлебозаготовок утяжеляло ситуацию. Продовольственная безопасность зависела от хлебозаготовительной системы, изменявшейся на протяжении 1930-х годов.

Основным способом заготовок в 1930 г. стала контрактация сельскохозяйственной продукции, в том числе зерновых. В роли поставщиков

выступали не только ликвидировавшиеся в ходе коллективизации земельные общества, но и неформальные «группы посевищиков», состоявшие из бедняцко-средняцких хозяйств или единоличные хозяйства. Договоры с земельными обществами утверждались на общем собрании бедняцко-средняцкого большинства, затем распределялись между дворами и утверждалась сельсоветами, что влекло за собой возможность привлечь не уложившихся в срок сдачи нарушителей по ст. 61 УК РСФСР. Колхозы также охватывались контрактационной системой, они в «добровольном» порядке сдавали товарные излишки по установленным районными властями нормам. Расположенные в зоне действия МТС артели расплачивались с ними деньгами и натуральной продукцией за произведенные с использованием технических средств работы. Не заключавшие договора единоличные хозяйства обязывались принимать «самообязательства» по поставкам зерна, по нормам не ниже чем у колхозов в соответствующих районах. Вне контрактационной системы оставались «кулацко-зажиточные» хозяйства. Сельсоветы вручали им «твердые задания», отличавшиеся более жесткими сроками сдачи и их повышенными объемами. Немногочисленные на тот момент совхозы имели собственный план поставок государству и должны были сдавать все товарные излишки.

В 1930 г. были определены основные черты хлебозаготовительной системы. Она характеризовалась сверхнормативным изъятием зерна и административно-репрессивным нажимом на деревню. Заготовительные планы устанавливались в ходе сложных переговоров между Центром и региональными властями, при этом окончательное решение оставалось за Москвой. Широкое распространение приобрели «встречные» планы, вошедшие в практику работы как центрального руководства, так и регионов. Поэтому декларируемые государством нормы, согласно которым в основных зернопроизводящих районах у колхозов изымалось от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ валового сбора, повсеместно нарушались. При распределении между районами заготовительных планов, региональное руководство делало надбавку с целью подстраховаться от возможного невыполнения плана рядом районов. Такие страховые надбавки стали нормой и играли важную роль в последующие годы.

С незначительными изменениями контрактационная система хлебозаготовок продолжала существовать до хлебозаготовительной кампании 1933/34 г. Она практически не предусматривала обеспечения продовольственной безопасности сельского населения. Государственная помощь выдавалась из зерновых резервов только после многочисленных просьб с мест. Так, с целью не допустить срыва предстоящих весенних посевных работ, Центр в связи с засухой и неурожаем предоставил Западной Сибири весной 1932 г. зерновую ссуду в размере 7,7 млн пуд.

и еще 3 млн пуд. продовольственной. На помощь могли рассчитывать только занятые в посевной кампании колхозники и рабочие совхозов. Остальная часть сельских жителей оставалась без господдержки.

Нововведением в 1932 г. стало разрешение выдачи натуральных авансов колхозникам в размере 10–15 % намолоченного хлеба. Таким образом государство стремилось с одной стороны материально заинтересовать колхозников, с другой — снизить степень продовольственного кризиса в начале хлебозаготовительной кампании.

Практика «встречного планирования» была широко распространена в начале 1930-х гг. В конце декабря 1932 г. краевому комитету партии пришлось временно запретить райкомам налагать на выполнившие свои планы колхозы встречные планы — это грозило срывом формирования семенных фондов [3, оп. 1, д. 4126, л. 80, 88]. Тогда же Западно-Сибирский крайком решил использовать страховую надбавку, разрешавшуюся Центром при распределении заготовительных заданий с целью их снижения для неблагополучных районов.

В начале 1933 г. перед центральными властями встала задача преодоления сельскохозяйственного кризиса и восстановления аграрной экономики. Одним из основных факторов, негативно сказывавшихся на развитии сельского хозяйства, была признана существовавшая заготовительная (контракционная) система. Ее отличительной чертой была нестабильность планов заготовок сельхозпродуктов, которые в течение года могли меняться в сторону повышения. В худшем положении находились колхозы, получившие относительно высокий урожай и выполнившие план хлебосдачи. На них незамедлительно налагалось дополнительное задание, и в итоге зерна для распределения на трудодни могло остаться меньше, чем в неурожайных хозяйствах. Такой порядок организации хлебозаготовок подрывал экономику колхозов и лишал их стимула для расширения зернового производства.

Поэтому было решено перейти от контрактационной схемы к форме обязательных поставок. Теперь размеры обязательных поставок исчислялись по единым для всего района и неизменным в течение года нормам сдачи с каждого гектара запланированного посева. Выдвижение встречных планов категорически запрещалось как на центральном, так и местном уровне. Средние региональные нормы определялись правительственным постановлением. На их основе региональные власти устанавливали порайонные нормы, затем утверждавшиеся СНК СССР. Вся работа по установлению и утверждению планов проводилась весной. Таким образом хлебосдатчики узнавали о своих заготовительных заданиях задолго до начала кампании.

В отличие от контрактации, новая система заготовок имела ряд преимуществ в продовольственном обеспечении сельского населения. Кро-

ме отсутствия встречных планов и более рационального распределения заданий она предусматривала некоторую помощь неурожайным районам. Сохранялась выдача авансов колхозникам, занятым на уборочных работах, в виде 10–15 % от намолоченного хлеба. «Страховка ЦК», утверждавшаяся Комитетом по заготовкам (Комзагом) СНК и включавшая в региональные обязательства по поставкам страховую надбавку, а также краевой/областной хлебный фонд, существовавший в предыдущие годы и формировавшийся за счет разницы между центральным планом (с учетом «страховки ЦК») и распределявшимися краевыми властями районными заданиями, могли быть использованы с целью оказания поддержки неурожайным хозяйствам (в виде предоставления ссуд или скидок по зернопоставкам). Разбронировать данные фонды мог только Центр. После чего крайком выделял зерно, но не в распоряжение районных властей, опасаясь, что оно может быть использовано не по назначению, а конечным получателям (колхозам, совхозам, единоличникам). Списки хозяйств составлялись специальной комиссией, формировавшейся из членов крайкома, по ходатайствам с мест. Районные власти являлись передаточным звеном — они просили о помощи от лица колхозов или единоличников и распределяли между ними зерновые ссуды и скидки по хлебопоставкам строго в соответствии с предписаниями крайкома. Любые отступления от этой схемы незамедлительно карались региональными властями. Так, 25 августа 1933 г. Политбюро ЦК ВКП(б) предоставило руководству Западно-Сибирского края право по собственному усмотрению выдавать скидки с обязательств по хлебопоставкам в размере 1 млн пуд. 15 ноября того же года Политбюро ЦК ВКП(б) предоставило «дополнительный фонд скидок в размере 3 700 тыс. пуд., из коих 2 200 тыс. пуд. — по единоличным хозяйствам за счет резерва врученных обязательств и 1500 тыс. пуд. — по колхозам за счет страховки ЦК» [2, с. 211]. В кампанию 1934 г. региональным властям вновь пришлось обращаться в Центр с целью использования страховых фондов. Их размер для единоличников на 17 декабря 1934 г. составлял 1 720 тыс. пуд. По колхозам в новых границах края (после выделения Омской области) — 4 802 тыс. пуд. за всю кампанию [3, оп. 2, д. 598, л. 127, 129; оп. 2, д. 690б, л. 29].

Предоставленные скидки по зернопоставкам и выданные зерновые и продовольственные ссуды подлежали возврату в следующем году. В результате многие экономически слабые хозяйства оказались должниками государства, без перспективы на возвращение долга. Ситуация осложнялась повторяющимися недородами, а также завышенными заготовительными планами. На это обстоятельство обратили внимание верховной власти первый секретарь Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе и председатель крайисполкома Ф.П. Грядинский. В письме в

адрес И.В. Сталина и В.М. Молотова они указали, что «по целому ряду районов в целом и по отдельным группам колхозов внутри многих районов сумма зернопоставки из урожая 1935 г., недоимок 1934 г., ссуды прошедших лет и 1935 года, настолько велика, что даже при благоприятном среднем урожае в этих районах в этом году ее не представляется возможным взыскать, так как норма сдачи с 1 га, не принимая при данных расчетах натуроплату за работы МТС, в колхозах будет составлять до 240 % нормы сдачи, установленной по зернопоставке 1935 г.» [3, оп. 2, д. 690б, л. 29–29а]. В связи с этим они просили списать с края всю задолженность по хлебопоставкам 1934 г., а возврат натуральных ссуд рассрочить на три года.

14 июня 1935 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли решение списать с колхозов региона недоимки в размере 4,6 млн пуд., задолженность по зерновым ссудам, выданным колхозам Западно-Сибирского края в 1934–1935 гг., рассрочить на два года и взыскать равными частями из урожая 1935 и 1936 гг., а задолженность по ссудам предыдущих лет полностью взыскать из урожая 1935 года [6, с. 534].

Ситуация обострилась в 1935 г. в связи с засухой. По мнению Р.И. Эйхе, неурожай был сильнее, чем в 1931 г. Однако, возможно, первый секретарь крайкома преувеличивал масштабы бедствия, стремясь получить из Центра необходимую помощь. Когда все имевшиеся в краевом распоряжении фонды были исчерпаны, Р.И. Эйхе отправился в Москву для встречи с Л.М. Кагановичем и В.М. Молотовым, с целью доложить им «о большом недороде во всей юго-западной части края», который затронул 42 района с посевной площадью более 2 млн га, что составляло 45 % об общей площади посева колхозов края. В результате этого, а также изъятия значительной части зерна в ходе заготовок в недородных районах у 1600 сельхозартелей отсутствовал хлеб для выдачи колхозникам по трудодням, а 1800 колхозов не имели зерна для засыпки семян. Для исправления ситуации региону требовалось оказать помощь: сократить план хлебозаготовок на 2 млн пуд., перенести взимание ссуд в размере 2 млн пуд. на следующий год, а также предоставить продовольственную и семенную ссуды в размере 15 млн пуд. Ходатайство удовлетворили практически в полном объеме [6, с. 613]. К тому времени были созданы достаточные хлебные резервы, а успешный ход хлебозаготовок в других регионах страны компенсировал недополученное в Западной Сибири зерно. Образовавшуюся таким образом огромную внутри-краевую задолженность правительству пришлось списать — выполнение хлебозаготовительных заданий и погашение ссуд превышали валовые сборы пострадавших от недорода колхозов.

Беспрецедентная государственная помощь позволила не допустить нового массового голода в крае. Тем не менее, полностью исключить

локальных голодовок не удалось. Так, в конце зимы — начале весны 1936 г. голодание многих колхозных семей было зафиксировано в Ребрихинском районе, где имели место «неоднократные случаи употребления в пищу мяса павших животных». В это время на ст. Топчиха (90–130 км от мест доставки) находился выделенный для района хлеб (2,4 тыс. пуд. продовольственного и 3 тыс. пуд. семенного зерна), однако для его доставки не хватало автотранспорта, горючего для наличных автомобилей, а лошади были сильно истощены [3, оп. 1, д. 701, л. 179, 181].

В последующие годы недородным колхозам вновь приходилось просить помощь у краевых властей. Образовавшиеся задолженности юридически списывали, но ситуация кардинально не изменялась. В 1940 г. колхозы Новосибирской области должны были государству досдать за предыдущие годы 2,8 млн пуд. по обязательным поставкам и 10,5 млн пуд. по натуроплате МТС. Кроме того, колхозы задолжали 1 552 тыс. пуд. в счет погашения пени за невыполнение задолженности по натуроплате прошлых лет [5, с. 244–245].

В конце 1930-х гг. хлебозаготовительная система вновь изменилась. В 1937 г. были упразднены региональные хлебные фонды, из которых выдавались зерновые и продовольственные ссуды.

В 1940 г. руководители советского государства утвердились во мнении, что основной причиной низких темпов развития колхозного производства являются недостатки заготовительной системы. Главным изъяном порядка госпоставок называлось определение объемов сдачи продуктов полеводства по установленным для колхозов планам посевов. Подобная практика, по мнению критиков, «побуждала» руководителей хозяйств добиваться уменьшения планов, «поощряла» сокращение посевов, не стимулировала введение в сельскохозяйственный оборот всех колхозных земель. Для исправления данного недостатка было решено увязать объемы поставок с площадью земли, закрепленной за хозяйствами. С площадью сельхозугодий следовало соотносить и планы государственных закупок продукции растениеводства. Следствием такой политики стало увеличение доли изъятия зерновой продукции, рост задолженности сельскохозяйственных артелей перед государством и локальный голод, начавшийся вследствие новой засухи, охватившей юго-западную часть региона [5, с. 136].

Таким образом, система продовольственной безопасности имела множество изъянов. После преодоления кризиса начала 1930-х гг. ее целью являлось поддержание стабильной хозяйственно-политической обстановки в сельской местности и недопущение нового массового голода. При этом продовольственные затруднения, как и локальный голод, которые не вели к серьезному осложнению ситуации в деревне, оставались регулярным явлением и стали следствием сверхнормативного изъятия

зерна, а также несовершенства заготовительной системы, в рамках которой не удалось создать нормального механизма обеспечения продовольственной безопасности сельских жителей.

Список использованной литературы и источников

1. Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг. / отв. ред. В. А. Ильиных. — Новосибирск : Институт истории СО РАН, 2011. — 608 с.
2. Голод в СССР. 1929–1934: в 3 т.: сб. документов. — Т. 3: Лето 1933–1934. — Москва : МФД, 2013. — 955 с.
3. Государственный архив Новосибирской области. — Ф. П–3.
4. Корнилов Г. Е. Формирование системы продовольственной безопасности населения России в первой половине XX века / Г. Е. Корнилов // Российская история. — 2011. — № 3. — С. 91–101.
5. Политика раскрестьянивания в Сибири: хроникально-документальный сборник / отв. ред. В. А. Ильиных, О. К. Кавцевич. — Вып. 2: Формы и методы централизованных хлебозаготовок. 1930–1941 гг. — Новосибирск : Издательство Сибирского отделения РАН, 2002. — 253 с.
6. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы: в 5 т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. — Т. 4: Конец 1934–1936. — Москва : РОССПЭН, 2002. — 1053 с.

Информация об авторе

Лапердин Вячеслав Борисович — кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора аграрной истории Института истории Сибирское отделение Российской академии наук, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8; e-mail: laperdin2011@mail.ru.

Author

Viacheslav B. Laperdin — PhD in History, Sector of the Agricultural History, Institute of History Siberian Branch of the Russian Academy of Science, 8 Nikolaev St., 630090, Novosibirsk, Russia; e-mail: laperdin2011@mail.ru.